

Двойник Иисуса. Аполлоний Тианский

Не только место – узел трёх цивилизационных регионов: североафриканского, ближневосточного и европейского – но и время прихода на землю Планетарного Логоса чрезвычайно важно для понимания «феномена Христа». Расцвет мысли полыхал над этим духовным оазисом. У греко-римского мира было время неопифагорейства и неоплатонизма; в эллинистическом Египте оформлялся корпус Герметических сочинений; у евреев создавались ветхозаветные апокрифы и последние, Маккавейские книги Ветхого Завета; в Междуречье был расцвет деятельности Мидийских магов; в Персии полыхал парсизм и осваивалась этика последних Зороастров; в Александрии жил Филон, соединивший Библию с греческой философией... – и это далеко не всё. Градус интеллектуальной активности этого «центра мира» того времени повысился именно перед приходом Самого Верховного Инспектора в самом начале Эпохи Рыб – Эпохи разделения, итогового этапа 26 000-летнего хода Большого Миротворного круга. Пророки, маги, волшебники, мессии, боги и полубоги шли один за другим, появляясь в разных местах этого суперрегиона, взбадривая людей, пробуждая от спячки тупого «хлеба и зрелищ!». За столетие до Христа закончил на кресте свою деятельность «Учитель праведно-

Аполлоний Тианский

Рис. О. Кандаурова

сти» ессеев – смертный аналог Иисуса из Назарета. Филон и Сенека жили одновременно, на полгода раньше Иисуса начал жизненный путь Иоанн Креститель. Через 6-7 лет после Рождества Христова стал ступать по земле Его двойник и «дублёр» – Аполлоний¹ из Тианы.

«Говорят, он родился на лугу, близ того места, где теперь стоит посвящённый ему храм. Не умолчу, – пишет автор его жизнеописания Флавий Филострат, – и об обстоятельствах его рождения. Незадолго до времени родов, его мать увидела во сне, будто гуляет по лугу, срывая цветы. Когда она наяву пришла на этот самый луг, служанки разбежались в поисках цветов, а она задремала на траве, и тут неожиданно слетелись кормившиеся на лугу лебеди, окружили спящую хороводом, захлопали крыльями, как у них в обычае, и все вместе согласно запели – словно зефир повеял над лугом. Она проснулась, разбуженная пением, и разрешилась от бремени, – ведь преждевременное разрешение от бремени зачастую бывает вызвано внезапным испугом. А местные жители передают, что именно в этот миг молния, уже устремившаяся, как казалось, к земле, вновь вознеслась и исчезла в эфире – этим способом, я полагаю, боги явили и предвестили будущую близость к ним Аполлония и будущее его превосходство надо всем земным и всё, чего суждено было ему достигнуть».²

Перед этим «египетский» бог Протей нашептал матери Аполлония, что это он имеет желание от неё родиться. Возможно, именно это и случилось, но Аполлоний «превзошёл его и прозорливостью, и способностью выходить из затруднительных, а то и безвыходных положений в миг наибольшей опасности».³

¹ О жизни и учении Аполлония мы знаем в основном благодаря Флавию Филострату Младшему (ок. 170-244/49), который по поручению императрицы Юлии Домны и на основании имеющихся у неё архивов составил подробное жизнеописание Аполлония в 8 книгах. В ряду источников Флавий называет записки Дамида из Ниневии, личного секретаря Аполлония; труд Максима Эгийского, «Завещание Аполлония», а также сочинение Мойрагена в 4 книгах, которому Флавий доверять не советует (Vita I, 3).

² Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 7.

³ Там же.

Христианские легенды повествуют, что в виде архангела Гавриила Марии явился в момент Благовещения Сам Господь и объявил ей о намерении появиться во плоти именно от неё. Я думаю, это было уже после физического зачатия, и поэтому, не нарушая естественность процедуры, Планетарный Логос сообщил отважной девушке эту радостную весть – награду, *которую она заслужила*, «возлюбив много».

Здесь произошло аналогично, но скромнее. Лебединое действие спровоцировало имя мальчика – Аполлоний. Миракль с молнией напоминает эпизод из «Книги джунглей»: услышав шорох у входа в логово, волчица Ракша прыгнула, защищая выводок, но увидев, что неожиданный «гость» – маленький человеческий детёныш, застыла в воздухе и вернулась назад. Это *точные детали* в логике мифа. Впрочем, отца новорождённого тоже звали Аполлоний, а «молния с неба» появится в его жизни в 60-е годы.

«Подросши и приступив к учению, Аполлоний обнаружил превосходную память и отменное прилежание. Он изъяснялся на аттическом наречии, и чистота его произношения не была испорчена местным говором, к тому же он привлекал все взоры своею миловидною пригожестью. Когда ему минуло четырнадцать лет, отец послал его в Тарс к финикиянину Евфидему. Этот Евфидем, хороший ритор, начал было образовывать отрока, однако тот хотя и почитал учителя, но находил, что городские нравы легкомысленны и мешают ученью, ибо в Тарсе, как нигде, все жители привержены к роскоши, насмешливы, дерзки и о нарядах заботятся больше, чем афиняне о мудрости, так что сидят на берегах своего Кидна, словно изнеженные водяные птицы. Потому-то в послании к ним Аполлония сказано: “Перестаньте опьяняться водой”». ...

«Итак, он, с согласия отца, переселился вместе с учителем в соседние Эги: там и жизнь была спокойная, способствующая философским занятиям, там и рвение к наукам больше, там и храм Асклепия, в котором сам Асклепий является людям. В Эгах в ту пору учительствовали платоники, перипатетики и последователи Хрисиппа; доводилось Аполлонию слушать также эпикурейцев, ибо и этим учением он не пренебрегал, но несказанно восхищался умом, лишь внимая пифагорейцам. Однако тот, кто учил пифагорейской мудрости, был не слишком усерден и не применял свою филосо-

фию на деле, более заботясь о радостях желудка и уладах любви и устраивая свою жизнь на эпикурейский лад. Звали его Евксеном, происходи он из Гераклеи Понтийской, а основы Пифагорова учения вызубрил так же, как птицы порой перенимают слова людей..., но нимало не понимая произносимого и вовсе не в порыве доброжелательности, а благодаря лишь изошрённости языка. Между тем Аполлоний был подобен орлёнку, который, пока крылья не окрепли, постигает близ родителей искусство парения, но, набравшись сил для полёта, обгоняет старших, а особенно ежели поймёт, что те держатся земли из корысти, ради жирного куска. Вот так и Аполлоний, пока был отроком, оставался при Евксене ради словесной науки, но в шестнадцать лет, окрылённый некоей возвышенной страстью, дал волю своему стремлению жить по образцу Пифагорову. Впрочем, он не утратил расположения к Евксену и даже выпросил у отца для него пригородное имение с родником и свежей зеленью, после чего сказал ему: “Ты живи по-своему, а что до меня – я буду жить по-пифагорейски!”».

Пифагор был основателем *религии дружбы*, он был не только философом, но и врачевателем, проповедником «здорового образа жизни». Иоанн в 16 лет стал учеником Иисуса, Аполлоний – Пифагора. Он принял его режимность в еде и поведении, «облачился в льняные ткани, отпустил волосы и поселился в святилище».

Постепенно он возрастал как жрец, как лекарь и как духовный мастер. Сам бог Асклепий помогал ему в духовной и врачебной практике. Ведя абсолютно праведную жизнь, хотя его пытались соблазнить и мужчины и женщины, он стал выносить вердикты по частным случаям обращений к нему, как к врачу, не сомневаясь в незримой поддержке самого Эскулапа. «Однажды Евксен спросил Аполлония, почему он, обладая возвышенным строем мыслей и силой изящного слога, не напишет книгу. “Я ещё не намолчался”, – отвечал Аполлоний». И сразу после этого принял обет молчания, длившийся несколько лет, в течение которых он развил и закалил свою память. Но и молчащий он продолжал исполнять роль судьи праведного, нравственного арбитра и заступника обездоленных. В городе Аспенд, страдавшем от голода, он выдвинул следующее требование в письменной форме: «Аспендийским хлеботорговцам от Аполлония. Земля – мать всех людей, ибо она праведна, вы же злонравно желаете сделать её матерью лишь для себя; а потому,

ежели не образумитесь, я не позволю вам оставаться на ней». Испуганные этой угрозой, хлеботорговцы доставили на рынок хлеба в изобилии, и город возродился к жизни».¹

Мы познакомились с первым письменным текстом молодого маэстро мысли и духа, и мы знаем, почему для нас это так важно. Вот что пишет на эту тему биограф:

«Слог Аполлония не был ни выпрненным, ни витиеватым, избегал он и заумной высокопарности, и чрезмерного аттицизма, ибо находил нелепым мерить слова одною аттической мерою; равным образом не растягивал он своих речей мелочными подробностями. Никто не слышал, чтобы он предавался шутовскому суесловию или вёл праздные беседы во время прогулок, – напротив, он словно вещал с треножника, говоря: “Знаю”, или “Полагаю”, или “К чему вы клоните?”, или “Да будет ведомо”. Суждения его были краткими и непреложными, слова он употреблял в прямом значении и в соответствии с предметом разговора, так что громкозвучная его речь уподоблялась царственному приговору. Поэтому когда какой-то пустозвон спросил его, почему сам-то он ни о чём не любопытствует, он ответил: “В отрочестве я задавал вопросы, а ныне не расспрашивать мне подобает, но учить тому, что уже познал”. – “В таком случае, о Аполлоний, – возразил тот, – как же будет мудрец беседовать?” – “Как законодатель, – отвечал Аполлоний, – ибо законодателю приличествует быть для многих наставником истины, ему самому вполне открывшейся”».²

Собравшись в дальние страны, он стал уговаривать с собой семерых приятелей, мол, «молодому человеку полезно знакомиться с чужими землями». Те отказались и ему не советовали. «Я уже со вещался, – отвечал Аполлоний, – с богами и уже получил от них напутствие, так что с вами говорил лишь для того, чтобы испытать, найдутся ли у вас силы разделить моё намерение. Но вы слишком малодушны, а потому философствуйте тут на здоровье – я же поспешу туда, куда влекут меня мудрость и божество». Сказавши так, он покинул Антиохию вместе с двумя слугами, доставшимися ему

¹ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 13.

² Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 14.

по наследству от отца: один из них имел навык в стенографии, а другой был отменным переписчиком.¹

В Ниневии, с которой он начал свой путь, к нему пристал ниневиец Дамид и сделался Аполлонию и спутником в скитаниях, и сотоварищем в мудрости, сохранившим для потомков многие о нём сведения. Он же стал и провожатым по Вавилонии, тем более что знал языки народов и народностей, её населявших. «Ну а я, друг мой, – сказал Аполлоний, – хоть никогда никаким языкам не учился, понимаю все». И заметив удивление ниневийца, добавил: «Не дивись, что ведомы мне все людские наречия, ибо мне внятно также и человеческое молчание». Услыхав такое, Дамид преклонился перед Аполлонием, видя в нём бога, и остался с ним ради приумножения мудрости, запечатлевая в памяти всё, что узнавал.² Дамид усердно записывал беседы или словопрения друга и наставника; всё это и составило его дневник, делая свои памятные заметки, дабы ничто касательно Аполлония не было забыто, и ежели тот проронил хоть слово по случайности или мимоходом – пусть и это будет записано. На границе таможенник корыстный и дотошный, спросил, что у них с собой. «Со мною, – отвечал Аполлоний, – Рассудительность, Справедливость, Добродетель, Выдержка, Храбрость – и он перечислил множество имён женского рода. Мытарь строго сказал: «Этих рабынь следует записать в таможенную декларацию». – «Никак невозможно, – возразил Учитель, – ибо не рабынями они при мне, но госпожами». Впрочем, урезонив словами наглых шестёрк, он высказывал желание познакомиться с местным властителем, хотя объявлял, что держит путь в Индию. Так, общаясь с царями, переходя из станы в страну, Аполлоний приближался к Индии. Один из них, с трудом расставаясь с Аполлонием, спросил, какой гостинец получит от него по возвращении, и тот ответил: «Благодатный дар, государь, ибо беседы с мудрецами и меня делают мудрее, так что вернусь к тебе лучшим, нежели ныне». Тут царь обнял его и воскликнул: «Возвращайся – это наилучший подарок!»³

¹ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 15.

² Там же.

³ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 28.

Как видим, молодой, но уже прошедший несколько посвятельных процедур (включая четырёхлетнее молчальничество), пи-фагореец (по своей стартовой духовной позиции), аристократ и «высокая душа», говорит на равных с сильными мира сего, но, повышая свой гностический уровень, упорно стремится к очагам мудрости (потом тот же путь в той же патетике повторила Е. П. Блаватская). Христос выслал в восточные страны Своего «дублёра», и поэтому с 20-х годов до конца Евангельской истории находился в двух регионах одновременно. В отличие от оригинала, копии надо было учиться, углубляться и постигать.

«О том, каковы мудрецы и каков холм, где они обитают, довольно сказано самим мудрецом, ибо в одном из своих посланий египтянам он говорит: “Я видел индийских брахманов, обитающих на земле и не на земле, без стен оборонённых и не владеющих ничем, кроме всего сущего”. Так пишет Аполлоний в изошрённой своей мудрости, и Дамид передаёт, что брахманы используют для сна травяные циновки, устилая землю той травой, какую им благодарассудится, а ещё он передаёт, что видел, как они возносятся на высоту двух локтей и отнюдь не ради потехи, ибо чужды такому тщеславию, но удаляясь от земли и устремляясь вослед Солнцу – так угождают они богу. Что же до огня, добытого от солнечных лучей, то, хотя облик его телесен, они не возжигают его на жертвеннике и не сохраняют в очагах, но, подобно тому, как исходящее от солнца сияние отражается в воде, так же и этот огонь виден парящим и вьющимся в воздухе. Они молятся Солнцу, правящему поворотами года, дабы во благовремени согревало оно землю ради процветания Индии, а по ночам молят солнечный луч не скорбеть о ночи, но остаться, ибо он у них в плену. Потому-то Аполлоний и пишет, что “брахманы обитают на земле и не на земле”. А в словах “без стен оборонённые” он понимает туман, под покровом коего они живут, ибо, обитая по видимости под открытым небом, в действительности они воздвигают над собою сень, так что не мокнут под дождём, и греются на солнце, когда сами того пожелают. Что же до слов “не владеющие ничем, кроме всего сущего”, то Дамид толкует их следующим образом: все источники изобилия, исторгаемые из земли пляшущими вакхантами, когда сотрясает Дионис и вакхантов и землю, текут и для упомянутых индусов, ежели

надобно им угоститься или угостить, – а стало быть, Аполлоний верно утверждает, что мудрецы, ни о чём не пекущиеся, но получающие всё желаемое, имеют то, чего не имеют»¹.

Письма Аполлония – а их сохранилось около ста – восполняют отсутствующее эпистолярное наследие Иисуса Христа. Хотя речь и в том и в другом случае идёт о надиктованных текстах. В данном повествовании перед нами краткая записка с пространным изъяснением биографа. Аполлоний предстаёт в том качестве, в каком хотел видеть около себя Иисуса Абгар V. Но встречи Христа с Иродом Антипой и Пилатом произошли в диаметрально другой ситуации. Хотя автором «письма Иисуса» вполне мог быть Аполлоний, зафиксировав письменно устное послание Господа. На деятелях оппонирующих (или просто: конкурирующих) идеологий много вылито взаимной грязи, пустых обвинений – следствия недопонимания, часто в угоду «позиции». Праведники пифагорейства, неоплатонизма, герметизма, митраизма, зороастризма и христианства расстреливали друг друга в словесных дуэлях беспощадно. Победило, став государственной религией, христианство. «Языческий» рецидив императора Юлиана кончился его поражением и знаменитым: «Ты победил, Галилеянин!»

Но вот Аполлоний в Индии. Он в кругу мудрецов; руководит встречей-просвещением гостя духовный мастер Иарх (Архи-). Аполлоний задаёт вопрос: кем почитают себя брахманы? «Богами, – ответил Иарх. А когда Аполлоний спросил о причине, сказал: «Потому что мы добрые люди». Этот ответ показался Аполлонию преисполненным такого благородства, что позднее он то же самое повторил Домициану в своей защитительной речи».²

Булгаковское «Все люди добрые» в устах Иешуа не на ровном месте взялось. У Волошина в Коктебеле он перечитал всю Блаватскую, а у неё об Аполлонии – полная информация. В Четвёртом евангелии Иисус представлен в сильной степени как «мудрый муж» античного образца. Таков же и Иешуа га Ноцри «Мастера и Маргариты».

«Все уселись привычным образом, и мудрецы позволили Аполлонию задавать вопросы. Он спросил, из чего, по их мнению,

¹ 26; стр. 56-57.

² Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 58.

состоит космос, и они отвечали: “Из стихий”. – “Из четырёх?” – “Не из четырёх, – сказал Иарх, – но из пяти”. – “Какая же пятая стихия кроме воды, воздуха, земли и огня?” – “Эфир, который следует считать первоначалом богов, ибо, подобно тому, как все смертные твари поглощают воздух, так же бессмертные и божественные создания поглощают эфир”. Затем, Аполлоний спросил, какая стихия возникла первой, а Иарх отвечал: “Все сразу, ибо живое не рождается по частям”. – “Стало быть, мне следует полагать космос живым?” – “Да, если понимать это верно, ибо космос живородит всё”. – “Следует ли приписывать космосу женскую природу или, напротив, мужскую?” – “Обе, ибо, совокупляясь сам с собой, он является в живорождении сразу и отцом и матерью...”¹

Великий Менделеев начинал свою таблицу элементов с эфира; он был единственным на первой строке. Вульгарные материалисты отрезали эту строку, удалив из Системы всё метафизическое («метахимическое»). Двадцатый век прохромал кое-как после этого “обрезания”, а теперь, в соответствии с революционным развитием науки, учёные вновь вернули эфир в научный оборот в связи с теориями «тёмной материи и тёмной энергии», существованием во вселенной чёрных и белых дыр, заполненностью вакуума. Лучи – это материя, становящаяся энергией. «Божественная среда» – зона эфира. Здесь сходятся воедино физика и метафизика, религия и наука, ибо и та и другая имеют *божественное происхождение*. И древние мудрецы, учившиеся у представителей Первоцивилизаций («культурных героев»), всё это знали. Воистину, *новое – это хорошо забытое старое*. Но самораскрытие Божества навстречу своему детищу – человеку – всё продолжается. Как нить вокруг катушки, мы вроде бегаем по кругу, не замечая, что с новым витком мы стали выше на толщину нити. Каждый год земля приближается к солнцу на 360 м. *Изменение* – единственная *постоянная* на земле.

Поэтому, напитавшись мудрости в этой компании, Аполлоний двинулся дальше. Достигнув моря, он отослал Иарху верблюдов вместе с письмом:

«Иарху и прочим мудрецам от Аполлония: радуйтесь! Мне, явившемуся к вам посуху, вы даровали море, а поделившись со мною своею мудростью, даровали вы мне силу странствовать в не-

¹ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 66-67.

бесах. Обо всём этом я расскажу эллинам, а с вами по-прежнему буду беседовать словно с присутствующими, если не напрасно испил я кубок Тантала. Прощайте, добрые любомудры».¹

Переписки Иисуса – если таковая была – не сохранилось (кроме Абгара); послания Аполлония восполняют этот пробел.

Как и Христос, он творил чудеса, изгонял бесов, оздоравливал и даже избавил эфесян от чумы. Как и Иисуса иудеи, его обвиняли в колдовстве. Вот как Филострат парирует эти обвинения:

«Право же, из вышесказанного ясно, что Аполлоний предвидел события, движимый божественною силою, и что ничего не стоят утверждения тех, кто полагает, будто бы он был колдуном. Давайте разберёмся. Что до колдунов, – вот уж, по-моему, злосчастнейшие из людей! – то они говорят, будто меняют судьбу, а потому-то пытаются расспросами призраков, то приносят дикарские жертвы, то заклятья поют, то зельями мажутся – и многие из них, будучи обвинены в перечисленных деяниях, признавались, что искушены в них весьма. Однако Аполлоний был послушен мойрам и предсказывал лишь то, что свершалось по неизбежности, а ведал он это наперёд не колдовским ухищрением, но по подсказке богов. Да и у индусов, когда видел он треножки, кравчих и прочие самоходные снасти, о коих я уже рассказывал, то он не расспрашивал, как они устроены и не просил научить его этой премудрости – похвалить похвалил, но подражать не удостоил».²

Путешествие по Индии заняло 40-е годы; затем мудрец направился в Эфиопию и Египет. Путь его пролегал через Палестину; вот здесь он мог застать одну из последних проповедей Христа, – вспомним сцену с греками. Собирая по земле мудрость, он не мог пропустить яркую вспышку галилейского Пророка. Но поскольку там всё быстро кончилось, он продолжил путь в Египет “по следам Святого Семейства”. Перемещаясь из храма в храм, он не одобрял кровавых жертвоприношений, памятуя об ахимсе индусов. Вот диалог с одним из жрецов. Тот спросил, по какому понятию не приносил он подобных жертв; Аполлоний сказал: «Лучше ты мне ответь, по какому понятию ты эти жертвы приносишь?» –

¹ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 72.

² Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 100.

«Кто это такой умный, чтобы исправлять египетские правила?» – возразил жрец. «Всякий мудр, кто явился от индусов, – отвечал Аполлоний».¹

По общему согласию наиболее добродетельные люди Греции, как мужчины, так и женщины, являлись членами пифагорейских школ. После смерти основателя, пифагорейцы, похоже, постепенно смешались с орфическими общинами и понятие «орфическая жизнь» стало общепризнанным символом жизни в чистоте и самоотречении. Вот что говорил сам странствующий философ о своих духовных корнях: «Поистине, великое моё научение было от Пифагора, ибо Пифагор сокровенной своей мудростью познал самого себя – и не только кто он есть, но и кем он был прежде; и к алтарям приходил он, блюдя чистоту, – не сквернил утробу свою мертвечиной и не марал тело своё одеждой, выделанной из убиенных тварей; а ещё он первым из людей замкнул уста свои и так обрёл завет, называемый “щитом молчания”, да и в остальном философия его была истинной и пророческой. Вот и стал я твердить сию науку, но совсем не потому, что избрал одну премудрость из двух, как советуешь ты, а потому что представляла мне философия учения свои, сколько их ни есть, наделяя каждое подобающим ему чином и тем повелев мне поглядеть на них самому и свершить здравый выбор. Все сии учения блистали величием и святостью – порою блеск иного из них слепил очи, – однако всё я рассмотрел со вниманием, ибо сами они побуждали меня к этому, завлекая и суля каждое своё. Одно учение обещало, что безо всякого труда окунуться в море наслаждений, другое – что даст мне отдых от трудов, третье – что к трудам моим добавится веселье, – итак, всюду удовольствия и обжорство без узды, и ладонь для денег открыта, и нет препоны похоти, но дозволено хоть влюбляться, хоть домогаться, хоть что угодно в этом роде, и лишь одно учение хвастливо возглашало воздержание от подобных страстей, но было дерзко, злоречиво и гнало в толчки всякую другую науку.

Тут узрел я несказанную красоту мудрости, обаявшей некогда и самого Пифагора – наука сия не стояла в толпе, но держалась в стороне, молчала и, наконец, поняв, что все остальные мне не го-

¹ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 106.

дятся, а с нею я не знаком, молвила так: “Нет во мне, отрок, пригости, но избыльна я тяготами: ежели согласится кто с моим уставом, то придётся ему отвергать всякую пищу, ради коей убита живая тварь, и о вине придётся позабыть, – дабы не замутишь премудрости кубка, воздвигнутого в трезвых душах, и не согреет его плащ или иная одежда, тканная из животной шерсти, а сандалии достанутся ему тростниковые, а спать он будет где случится, а ежели узнаю я, что привержен он любострастию, так есть у меня гиблые ямы, куда препроводит его и низвергнет сопутствующее мудрости правосудие; столь сурова я с ревнителями своими, что даже и уста их держу на замке! А теперь узнай, какова награда тому, кто все эти тяготы стерпит: сразу вступит он во владенье праведностью и благомысленностью, и зависти ему никто не внушит, и будет он тиранам страшен, а сам перед ними не склонится, и малые жертвы его будут слаще богам, чем потоки бычьей крови! Ежели будешь ты чист, то дарую я тебе знание грядущего, а очи твои так просветлю светом, что распознаешь ты бога, узнаешь героя и уличишь призрачную нежить, сокрытую под личиною человечей”. И вот, премудрые египтяне, я избрал именно эту жизнь, а свершив сей верный выбор вослед Пифагору, не обманул и не был обманут, ибо сделался я таким, каким должно быть философу, и получил всё, что философу назначено. Доводилось мне размышлять и о происхождении чародейства, и об основаниях его, а решение моё таково: к чародейству способны те, у кого святости в избытке и кто превосходит в познании души, первопричина коей неуничтожима и безначальна».¹

И резюме:

«От философии связанной – это по уставу Пифагорову – и притом богодухновенной – это было у индусов и прежде Пифагора – радость не на краткий миг, но на веки вечные».²

Аполлоний был на вершине религиозного Ренессанса I века, но он был отнюдь не одинок. Филий, писавший примерно в 25 г. н.э., рассказывает нам, что он встречал по всему миру многочисленные группы людей, которые вели религиозную во всех отношениях

¹ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 124-125.

² Там же; стр. 126.

жизнь. Отказавшись от своего имущества и привычного образа жизни, они ушли из мира и целиком посвятили себя поискам мудрости и развитию добродетели. В своём трактате «О жизни созерцательной» он пишет: «Этот класс людей, стремящихся к совершенному добру, можно найти во многих частях обитаемого мира, как в греческом, так и в не греческом. В Египте они встречаются толпами в каждой провинции, и особенно в окрестностях Александрии».¹

Когда в 70 г. Тит взял взбунтовавшийся Иерусалим, завершив трёхлетнюю «Иудейскую войну», начатую его отцом Веспасианом, Аполлоний, «наставник императоров» отреагировал по-своему на это событие. Натерпевшись от наглых иудеев, соседние народы хотели было почтить его венком, но Тит от почестей отказался, объяснив, что не своим-де произволом свершил упомянутое деяние, но явился-де тут божий гнев, коим и была-де направлена его, Тита, десница. Аполлония такой ответ порадовал, ибо стало ясно, что Тит рассудителен, сведущ в делах божеских и человеческих, да притом скромнен и благоразумен, ежели не хочет венка за пролитие крови. И вот Аполлоний отрядил Дамида передать Титу послание, в коем написано было нижеследующее:

«Аполлоний Титу, полководцу римскому – радуйся! Не взыскуешь ты честей ни от брани, ни от кровопролития, и я венчаю тебя венцом смиренномудрия, ибо знаешь ты, какие венцы тебе надобны. Будь здоров!»

Тит весьма порадовался посланию и отвечал так: «Я знаю и запомню милость твою к родителю моему и ко мне. Я полонил Иерусалим, а ты меня!»²

То, что иудеи сами навлекли на себя возмездие за казнь Иисуса, и что исполнилось Его предсказание «в три дня разрушу храм», знали только *избранные Христа*, прежде всего Его Тайный апостолат. В это время Аполлоний уже был наполнен и переполнен Учением Господа. Поэтому и дышалось и говорилось ему легко; плоды победы Сына Божия над миром достались – для утверждения этой победы в умах и душах людей – ему, Аполлонию. Перед лицом Самого

¹ Дж. Р. Мид. Аполлоний Тианский. М., 2001; стр. 27.

² Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 138.

Планетарного Логоса боги остальных конфессий, этносов и регионов вдруг сделались *местночтимыми*, скромно-локальными, домашними и в деснице Самого – ручными, вроде домовых в их небольших домах-государствах. О конкуренции Христу даже речи не могло быть. Чем выше была душа земного праведника, тем яснее была для неё эта *реальность*. Аполлоний был сходу исключён из этой «игры амбиций», ибо он был Двойником. Только Спутница Иисуса была ему вровень – они стали друзьями-единомышленниками, сразу и навсегда. Пропорционально его махаатмичности, Логос подарил Аполлонию локальную амритность, чтобы для людского негодяйства он стал «неловленным мизером». Будучи привлечённым одним из правителей в суд, Аполлоний со всею отвагой промолвил:

«По твоей милости, государь, гибнут от многообразных бедствий города и повсюду на островах – ссыльные, на суше – стена-ния, в войске – трусость, в сенате – подозрительность! Ежели хочешь, дай и мне слово, а ежели нет – вели отнять у меня тело, ибо душу у меня не отнимешь – “Но отступи, не убьёшь ты меня, не причастен я смерти!”¹ – и, сказавши так, он исчез из судилища, что оказалось особенно уместно в сложившихся обстоятельствах».² В приготовленной письменно речи, обращаясь к правителю, он заявлял: «О тебе воображали, будто ты согласен внимать лишь голосу гнева своего, а потому даже и убить меня готов – иное дело, возможно ли вообще меня убить».³

Иисус так же «уклонялся от рук» или «проходил между» злыдней, пока «Его час не пришёл». Перейдя в *светлое тело* после «Воскресения» Он теперь не церемонясь входил и выходил сквозь стены, возникал и исчезал по Своему усмотрению etc. Смерти для Него – не было; Лазарь, уже смердевший, для Иисуса просто «уснул», и Он в Вифании всего лишь *разбудил спящего*. Этой же свободой от страха смерти Он наградил и Аполлония. Не только у Самого, но и у Его аватаров во плоти отсутствовал инстинкт продолжения рода – в отличие от профанных инсинуаций на эту тему. Вот свидетельство Флавия Филострата:

¹ Слова Аполлона Ахиллу: Илиада XXII, 13.

² Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 171.

³ Там же; стр. 172.

«В ту же пору император Домициан издал законы против оскотления и против насаждения новых виноградников, а имеющиеся виноградники велел вырубить. Явившись к ионянам, Аполлоний сказал: “Все эти запреты не для меня, ибо мне – наверное, единственному из людей! – вино и *эта штука* безо всякой надобности. А вот придурку нашему (Домициану) и невдомёк, что у мужиков-то мужество он бережёт, но землю холостит!” После этих слов ионяне отважились отрядить к императору посольство в защиту виноградников, дабы отменил он закон, повелевавший земле пребывать в бесплодии и запустении».¹

Иисус утвердил вино, как лёгкое обезболивающее от знания человеком своей смертности. А поскольку Он был бессмертен даже и в человеческом теле, Он по-братски принимал участие в застольях с вином – начиная с брачного пира в Кане Галилейской. У Аполлония же страха смерти не было вообще – с детства он был на поруках у Высших Сил.

Но словосочетание «бродячий маг и чудотворец» было испоганено толпой до такой степени, что Аполлонию – перед императором (естественно) – пришлось прояснить ситуацию:

(После перечисления всех известных наук и искусств последовало) «Однако есть ещё всяческие поддельные науки и ворожба, какую ты, государь, отнюдь не должен смешивать с волхвованием, ибо истинное волхвование достойно превеликого почёта, хотя я и не могу пока решить, относится ли оно к числу искусств. А вот колдовское ремесло я именую лжеумственным, ибо колдуны утверждают мнимое, отрицают сущее, и живы, по-моему, лишь заблуждениями обманутых простаков, ибо чародейная премудрость тверда глупостью тех, кто верит и платит чародеям, а сии искусники весьма охочи до денег и, ежели что измышлят, так уж всегда корысти ради, – потому-то выискивают они тех, кто побогаче, завлекающая их обещаниями, будто могут-де добыть всё, чего бы те не пожелали. Уж не приметил ли ты, государь, у меня лишних денег, а от того и решил, что я – опытный жулик? А ведь родитель твой почитал меня бессеребренником! Где тут у меня письмо от этого благородного и божественного мужа? Сейчас я докажу правдивость слов моих, ибо отец твой в нижеследующем послании хвалит меня,

¹ Там же; стр. 143 (ред. моя – ОК).

помимо прочего, ещё и за бедность. “Самодержец Веспасиан Аполлонию-философу: радуйся! Когда бы все люди, Аполлоний, пожелали любознательствовать по-твоему, то премного счастливы были бы и философия и бедность, ибо философия стала бы неподкупной, а бедность добровольной. Будь здоров!”»¹

На Христово «Милости хочу, а не жертвы» у Аполлония приготовлена такая тирада: «Никаких жертв я не приносил и не приношу! Даже жертвенной крови, уже пролившейся на алтарь, я не касаюсь, ибо таков завет Пифагора и сподвижников его, и такие же правила у нагих египтян, равно как и у индусов, от коих и повелись начала премудрости Пифагоровой».²

Монотеизм заключается не в том, чтобы отменить, аннулировать неких привычных местных богов, а на их место посадить *одного*, вдруг признанного кем-то лучшим. К подлинному единобожию поднимаются как к вершине горы; если вокруг тебя ещё несколько камней-скал, значит ты ещё не на вершине; сбрасывать вниз остальных в пользу одной – это не метод: *самый* должен быть *ещё выше*. Вот мнение Аполлония на эту тему:

«Теперь скажу касательно индусов и египтян. Египтяне облыжно винят индусов во многих прегрешениях, но особенно бранят их житейские правила. Впрочем, с учением о Творце всего сущего они согласны и даже сообщили его другим народам, хотя учение сие идёт от индусов, а состоит в нижеследующем: есть Творец всякого первоначала и всего сущего, а побудительная причина такового творения в доброту Творца».³

Самое невероятное в Иисусе-учителе – Его невероятный парадоксализм. Аполлоний лишь изредка поднимался на эти высоты. Вот редкий пример. Отвечая Деметрию, он говорит: «А мне нет нужды прятаться! Ежели, как выходит по-твоему, во власти тирана вся земля, то уж лучше умереть на людях, чем жить притаясь».⁴ А вот наоборот. «Рассказывают, что всю свою жизнь частенько он приговаривал: “Живи тайком, а ежели не умеешь, так хоть помирай тайком!”».⁵

¹ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 175.

² Там же; стр. 183.

³ Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 178.

⁴ Там же; стр. 189.

⁵ Там же; стр. 195 (вспомните нашего Тютчева!).

Кстати, насчёт «помирай». Аполлоний дожил до глубокой старости. Кажется, он прожил более ста лет, но в конце всё же стал готовиться отойти, но хотел сделать это без свидетелей, а потому отослал Дамида. Сам Дамид говорит, что хотя и не знал о намерениях Аполлония, однако же сильно страдал из-за предстоящей разлуки, меж тем как Аполлоний, отлично всё знавший, ничего особенного ему не сказал, будто и не предстояло им никогда более не свидеться, – столь велика была его вера в то, что пребудет он навек! – но лишь посоветовал: «Не забывай меня, Дамид, даже когда придётся тебе любомудрствовать в одиночку».¹

Так заканчивается Филостратово Жизнеописание. Вот несколько посланий Аполлония с его максимами:

(К Евфрату): «По-твоему, магами надобно звать любомудров Пифагорова толка, да заодно уж и Орфеева. А вот по-моему, магами пристало именовать философов какого угодно толка, ежели притязают они на святость и праведность».

(К нему же): «Магами персы именуют тех, кто прилежит святости, а стало быть, маг или служит богу, или по природе своей божествен, а ты – никакой не маг, зато безбожник!»²

(К олимпийским жрецам): «Богам не надобны жертвы, а ежели так, то что остаётся сделать человеку в угождение богам? По-моему, следует ему учиться уму-разуму, да по мере сил благодетельствовать тем, кто того достоин. Вот это и мило богам, а жертвы пусть приносят безбожники».

(К мудрецам Мусея): «Я побывал и в Аргосе, и в Фокиде, и в Локриде, и в Сикионе, и в Мегаре, и хотя в былые времена доводилось мне учить, но тут я вовсе это оставил. А ежели кто спросит, в чём причина, то вот мой ответ и вам и Музам: “Одичал я не потому, что слишком долго был вдали от Эллады, но потому, что слишком долго был в Элладе”».³

Такой открытости к мудрости разных народов, к их религиозным обычаям и мистическим тайнам при собственной духовной зна-

¹ Там же; стр. 195.

² Филострат Флавий. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985; стр. 201. Евфрат – некий антипод Аполлония, для которого слово «маг» было ругательным.

³ Там же; стр. 202-203.

чимости редко можно найти. А он – *такой* – вообще уникален. Римский историк Вописк-Флавиан (кон. III в.) писал об Аполлонии:

«Кто среди людей был столь святым, столь достойным поклонения, столь почтенным, столь богоподобным, как он? Это он оживлял мёртвых. Это он сделал и сказал столько вещей, которые не по силам людям».¹

Император Александр Север (222-235) поместил в свой *lararium* статуи Христа, Аполлония, Авраама и Орфея.² Как видим, в этом «святая святых» *библейское* и *эллинское* было представлено на равных, без розни и размежевания. Причём *библейское* было донесено до интеллектуальных вершин греко-римского мира стараниями и более чем полувековой деятельностью именно Тианца. Но где, как и когда зачерпнул он «иудейских древностей» и «христианских новаций»?

Мы помним, что группа «эллинов», удостоенная лицезрения Христа и орошённая живой водой Его *завершающих* слов, мгновенно была приобщена к ангелическим высотам (они же «глубины сатанинские» держиморд духа) Бога Слова. Это было задолго до Дамида, но и при нём «верный личарда» не допускался к посвященным таинствам, в сокровенную сердцевину храмов, куда был вхож сам Мастер (в обличье вечного подмастерья). Иисус, который из Надземного его Сам и запустил, мгновенно всё понял и оценил. С лжепророками и псевдодоброхотами *было кому* бороться.

Путь пилигрима привёл, в конце концов, Аполлония в Александрию, к великой Библиотеке и Академии при ней. Ещё был жив Филон (20 г. до н.э. – 40 г. н.э.), иудей, разработавший и доведший до совершенства античное учение о Логосе, лекции которого (или его учеников) Тианец жадно слушал, совершенствуя своё исконное пифагорейство. Святость Аполлония заключалась, прежде всего, в его ученической неамбициозности, постоянной распахнутости навстречу знанию. Тот же Вописк пишет ещё: «Если я стал всё

¹ Дж. Р. Мид. Аполлоний Тианский. М., 2001; стр. 50.

² Дж. Р. Мид. Аполлоний Тианский. М., 2001; стр. 50. (Также, в знак высочайшего почтения, император Септимий Север (193-211 гг.) установил статую Аполлония в своей галерее божеств в Пантеоне, в то время как его сын, император Каракалла (211-217) почтил память об Аполлонии часовней (См. Dion Cassius, XXVII, XXVIII, 2).)

больше и больше верить в добродетели величественного Аполлония, то это потому, что после собрания сведений от наиболее серьёзных людей я нашёл подтверждение всем фактам в книгах Улпианской библиотеки»¹. В момент завершения Филостратом его труда ещё сохранялись не уничтоженные пока обильные биографические сведения о нём, его сочинения («О жертвах», «Жизнеописание Пифагора», «О гадании по звёздам»), много писем, отзывы о нём “языческих” авторов, тоже впоследствии христианами уничтоженные. Сигналом к травле послужило сочинение неоплатоника Гиерокла, в котором он неосторожно сравнил Аполлония с Христом. Есвевий Кесарийский тут же накатал трактат с длинным названием: «Против сочинения Филострата об Аполлонии Тианском и по поводу проведённого Гиероклом сравнения между ним и Христом». «Как это понять, – сокрушается другой “охранитель”, Юстин Мученик, – как понять, что талисманы Аполлония имеют силу, ибо они предохраняют, *как мы видим*, от ярости волн, злобы ветра и нападения диких зверей; и в то время как чудеса нашего Господа сохраняются лишь в преданиях, чудеса Аполлония весьма многочисленны и подлинно проявляются в теперешних событиях?..» Универсализм Тианца в среде «цепных псов» всех сект и конфессий привёл его в положение «своего среди чужих и чужого среди своих», а поскольку он служил только Истине – то есть Христу, что постепенно прояснилось – то все, сновавшие около, не могли толком понять, «за кого он». Христос вообще был распят за свою *непонятность* («ибо не ведают, что творят!»). Аристократ, пусть и в манифестируемой бедности, связавший свою жизнь (с момента освоения библейских ценностей) с «религией рабов, мытарей и блудниц» – это было труднодостижимым вывертом и “пижонской” прихотью. Но он первым разглядел «кто есть Кто» среди современников, и Пифагор с Орфеем радостно сдали свои полномочия Самому Планетарному Логосу во плоти. Недаром Иисус наказывал: «будьте мудрыми змеями» и пояснял эту мысль *притчей о жемчужине*. Вот для чего понадобилась Аполлонию *вся его мудрость*. Но он оказался на высоте положения. И статуя Тианца рядом со статуей Христа оказалась абсолютно заслуженной.

¹ Цит. по: Владимиров А. *Кумран и Христос*. М., 2003; стр. 99.

Его появление среди христиан зафиксировано в Деяниях Апостолов:

«Некто [иудей] именем Аполлос, [родом] из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришёл в Эфес; Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново. Он начал смело говорить в синагоге. Услышавши его, Акила и Прискила приняли его и точнее объяснили ему путь Господень. А когда он вознамерился идти в Ахайю, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его; и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатию: Ибо он сильно опровергал иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос» (18, 24-28).

Владение языками – а Аполлоний овладевал языком страны, где оказывался волей судеб, – привело к абсолютному адаптированию к иудееговорящей среде александрийского еврейства с Филоном во главе. Он оказался в Эфесе как «александрийский еврей» (несмотря на своё демаскирующее греческое имя) и не стал убеждать принявших его с распростёртыми объятиями: «красноречивый» (“тавро” Тианца в гностической среде того времени), «сведущий в Писаниях» – так же, как в Ведах, Зенд-Авесте, Египетской Книге Мёртвых etc – звание «мудреца» обязывало. Крещение после-Иоанново было отработано в послеголгофские времена, и о нём знали только апостолы. «Иудеи во Христе» Акила и Прискила быстро разъяснили Аполлонию новацию, и он собрался в дальнейший проповеднический вояж: впереди его ждала Ахайя. По поводу имени Новый Библейский словарь поясняет: «Аполлос... Сокращённый вариант имени Apollonius, Аполлоний. Он хорошо знал историю Иисуса, которая стала ему известна (возможно, в Александрии)».¹ Гностический и учительский статус нового проповедника был настолько высок, что он сразу занял одно из ведущих мест в апостолической плеяде. Он мгновенно уравновесил словесную «пыль в глаза» и «лапшу на уши» Савла, кривоногого “савловья-разбойника” в стане иерусалимских тугодумов, и тот понял, что с Аполлосом нужно держать ухо востро. На грубости тот был

¹ Владимиров А. *Апостолы*. М., 2003; стр. 141.

глух, на “ласку” индифферентен. Он мгновенно оброс своей слушательской аудиторией, «своим fun-club’ом».

В *Деян* 19, 1 о нём написано: «Во время пребывания Аполлоса в Коринфе, Павел, прошед верхние страны, прибыл в Эфес etc». Савл старался не попадаться Тианцу “под ноги”, понимая, что с ним его фокусы не пройдут – тут глыба, тут монолит. В *1 Кор* он пишет уважительно: «Я разумею, что у вас говорят: “я Павлов”; “я Аполлосов”; “я Кифин”; “а я Христов”. Разве разделился Христос?..»

Эта фраза требует тщательного изъяснения. Савл начинает с себя, любимого, – это понятно. Но не понятно, как это «а я Христов»? Он что, организовал конкурентную с Иисусом команду, допускающую подобную вербальную маркировку?! Но – так и есть, он хитрит, выставляя тайное на всеобщее обозрение и публично «устраивая *им* (а иногда и себе, как в бане веником) порку и выволочку. Этот ловкий демагогический приём у него, пройдохи, всегда срабатывал в плюс. Для «равновесия» он вставляет в тираду и Кифу-Петра, лстя “по-тонкому” – Пётр только морщился и кряхтел, кряхтел и морщился. А ведь Иисус всё предсказал!..

Но вот четвёртым в «коронационный» набор вставлено имя *Аполлоса*. Как так? – Среди известных, подробно изъяснённых и описанных имён – вдруг: тайна, инкогнито, незнакомец, о котором ни житий, ни текстов, ни воспоминаний. Такая величина, о котором – в отличие от других апостолов («лже!») провокатор не посмел сказать ни одного кривого слова! Более того, не ведая, что это Дублёр Христа, он лстиво ставит его наравне с Иисусом! Мои восклицательные знаки относятся к Иерусалимцам во главе с Иаковом, – где их реакция на *четверть* их проповеднической машины (даже: *треть*)? Или значительность Аполлоса (Тианского) и их приводила в тихое смятение, боязнь и чувство неполноценности?

Далее там же (3, 4-7): «Ибо когда один говорит: “я Павлов”, а другой: “я Аполлосов”, то не плотские ли вы? Кто Павел? Кто *Аполлос*? Они только служители, чрез которых вы уверовали, и притом по скольку каждому дал Господь. Я посадил, *Аполлос поли-*

вал, но возрастил Бог; Посему и насаждающий и *поливающий* есть ничто, а всё Бог возвращающий»¹.

Видим, что из «большого джентльменского набора» четырёх оставлены два главных *действующих* лица. Здесь уже Савл судорожно пытается на первом месте, незаметно передёргивать «первый» по *времени* («посадил») в «первый» по *значению* («поливал»), причём ссылкой на Бога попытался, осаживая, уравнивать Тианца с собой, прохиндеем; то есть *мудрость* с *хитростью*. И опять: оппонирование и конкурирование по значимости Савл ведёт только с Аполлосом. И если верно, что «Павел в действительности был не “учеником Христа”, а основателем христианства»², то кем же был его единственный значимый соперник – “еврей” из Александрии?

Иисус, уходя, оставил в помощь своей “малограмотной” команде серьёзного и мощного помощника. Вместе с Тайным Апостолатом он не дал извратить Учение Христа до конца. У Савла он был бревном в глазу, – он говорит о нём ещё несколько раз.

Там же (3, 22): «Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – всё ваше; Вы же – Христовы, а Христос – Божий»³. ...

Поняв, что побороть Тианца в “разговорном жанре” не получается, Савл пытается притянуть его к себе против Кифы-Петра. Он апеллирует к тому, что они оба – «неоапостолы из тех, кто *не видел Иисуса*». То, что Аполлос был равнодушен к этому доводу, жулика удивляло, и мы знаем, почему так было.

Далее (4, 6); «Это, братия, приложил я к себе и *Аполлосу* ради вас, чтобы вы научились от *нас* не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один пред другим».

Речь идёт о «похвале от Бога», и Павел хитро распространяет это обещание не только на паству, но и на Аполлоса, приобщая его к себе наглым «нас», выставляя коринфянам некое двуединое проповедническое «мы».

Но и на этот трюк Тианец не купился.

¹ Курсив мой – ОК.

² Владимиров А. *Апостолы*. М., 2003; стр. 160.

³ Курсив мой – ОК.

Кстати: о каких «писаниях» он ведёт речь? Кроме его посланий и старого кондового закона ничего *написанного* – в качестве официального, общепринятого документа до 65 г. (времени Савлового конца) – не существовало. Протоматфей если и был создан, едва ли был широко распространён. Обобщая мудреца и философа с собой, он «трохи хитро» подпускает: «вы научились от нас не мудрствовать» – мол, хлебайте помой и не высовывайтесь – как *мы* (!) То есть, читай, Аполлос, что я нацарапал, и повторяй пописанному: «простецам божиим» это в самый раз. А *умничать* – только народ смущать и сбивать с панталыку.

И в финале этого рескрипта Савл кисло признаётся: «А что́ до брата Аполлоса, я очень просил *его*, чтоб *он* с братьями пошёл к вам; но *он* никак *не хотел* идти ныне, а придёт, когда ему будет удобно» (16, 12).¹ ...

Величественно и методично Аполлоний делал своё дело. Для этого он усилил себя именем Иоанна, мальчика-апостола, которого опекала Мария Магдалина. После разгрома Иерусалима и «рассеяния» в апостольской среде появляется “новое” лицо – *пресвитер Иоанн*. Аполлонию уже 70 лет, он – в возрасте и статусе старца; он поддерживает Иоаннову линию против савлианства с “писанием” в виде комплекта писем-посланий последнего. Начав как апостол (без самомаркировки этим словом) среди апостолов, он дожил до времени «мужей апостольских». Послание к Титу переломило его более чем столетний возраст на две части в «точке золотого сечения».

Итак, на новозаветной сцене появляется ещё одно действующее лицо: Пресвитер Иоанн; Аполлос уходит внутрь этого словосочетания. Оживает постаревший, но моложавый Иоанн Вонанергес. Вот он-то и есть *Иоанн Богослов*. Неграмотный рыбак, сын рыбака, навсегда уходит в прошлое. *Апокалипсис написан им*, «сыном грома». Вот почему Иисус дал пацану такое прозвище.

О двух Иоаннах – апостоле и некоем загадочном Пресвитере Иоанне – говорит блаж. Феофилакт, архиепископ болгарский. Из этого рассказа следует, что *автор Евангелия* каким-то образом связан с Эфесом; находился в сане пресвитера и был *старцем*, и этот

¹ Курсив мой – ОК.

«Пресвитер Иоанн» был как бы духовно тождественным Самому Христу, ибо по Фиофилакту: «Он возгремел о том, чему не учил нас никто из евангелистов. Так как они благовествуют о воплощении Христовом, а о предвечном Его бытии (синоптики в отличие от Иоанна) не сказали ничего довольно ясного и наглядного». Евангелие от Иоанна, написанное на греческом языке, и как утверждают некоторые исследователи, именно в Эфесе, которое – сама основа философского христианства, удивительным образом перекликается с известием о книгах, приписываемых Аполлонию, равно как и с деятельностью этого греческого чудотворца и Учителя также в городе Эфесе приблизительно в это же самое время.¹ Характерно, что автор Четвёртого евангелия и *ИИ* говорит о евреях только в третьем лице, как о приверженцах чуждой религии.² О «еврее» (из Александрии) можно больше не вспоминать.

В апокрифической «истории Иоханнана апостола, сына Зеведеева» есть один знаменательный штрих, проливающий свет на историю возникновения Четвёртого евангелия:

«Когда же обошли апостолы пределы, и насадили крест (христианства), и охватили пастбищем четыре стороны тварного [мира], затем встал Симон Кифа и взял с собою Павла, и они пошли в Эфес к Иоханнани... И пять дней убеждали его... чтобы он также написал Евангелие своё, и не хотел он, говоря им: “Когда будет воля Духа Святого, напишу я”... (Когда же Дух Святой сошёл), взял Иоханнан хартию и написал Евангелие своё в один час. И отдал его Петру и Павлу. И когда взошло солнце, сошёл он в дом молитвы, и читал его перед всем городом...».³

Здесь характерно фантастическое «в один час». Это – свидетельство полной готовности текста к времени “заказа”, когда оставалось только просмотреть рукопись и предъявить. В апокрифе есть одна неувязка: с одной стороны «отдал его», с другой – «читал его». Повествование не только торжественно, но и криптографично: «солнце *взошло*», а Иоаннан «*сошёл*». Откуда? – С некой высоты, например, из *башни*, мигдала. То есть с высоты духа Марии Магдалины, подлинного автора Евангелия. Но и его редакторской

¹ Владимиров А. *Апостолы*. М., 2003; стр. 147.

² Владимиров А. *Апостолы*. М., 2003; стр. 298.

³ По: Владимиров А. *Апостолы*. М., 2003; стр. 145 (крест = крещение).

работы в нём было очень много: все речи Иисуса были вербально отточены и заострены (по воле Самого Христа в Его тонкоматериальном присутствии) именно им. Но самое главное:

Великий Зачин Четвёртого был написан Аполлоном. Для его создания пригодились школа Филона, которую он освоил и впитал в Александрии. Античное учение о Логосе Филон пропустил сквозь библейские духовные реалии – с этой взлётной полосы и стартовал Аполлоний. Но каждое слово и само их расположение в тексте – откровение. *Никто из земного человечества не поднимался на такую высоту* – вровень с Ним Самим. Когда говорит Сам Иисус – *понятно*: речь ведёт Хозяин Земли, Сын Хозяина Солнечной системы. Но Пролог написан *не Им, а о Нём*, а уровень – не снижается! Кто же этот невероятный, перешедший от умственных абстракций (философия) к трансцендентальному реализму (духовная культура)? Вопрос этот мучил человечество (и меня с ним) – две тысячи лет люди приближались к ответу на него. И тысячу лет назад вдохновением Иоахима Флорского мы перешли пятидесятипроцентный рубеж. От уровня, на который подняли своими трудами и великой махаатмичностью М. Булгаков и Д. Мережковский, – уровня видения проблемы до её решения оставался только один шаг. Сегодня мы сделали его. Остаётся назвать сакрально имя, которое дал Аполлонию Иисус – поверх Иоанн/Иоханнан и остальных, сколько их было.

Имя это – Параклет.

Параклет, *греч.* parakletos – *утешитель* (также: заступник, адвокат, ходатай, ходок по делам, благоустроитель, «ангел-хранитель во плоти»). В этом качестве присутствовать и действовать на земле мог *только* аватар Самого Планетарного Логоса. Вот откуда у него были полномочия сказать слова, не подлежащие обсуждению, имеющие, как и слова Самого Христа, характер духовного законодательства. Истинность их подлежит только личной духовной проверке (уровень библейских *откровений*). В некотором смысле, произносящий их возлагает на себя обязательство – даже функцию – быть гарантом подлинности, истинности, несомненности произносимого, обеспечиваемого только удельным весом каждого слова и их сочетания. Это доказательно

только в зоне духовной вербалистики и переносу с целью верификации в другие области человеческого знания и деятельности не подлежит.

Раздувая звание «Богослов» (в словосочетании «Иоанн Богослов»), пытались довести объём его до духовной значительности Зачина... Человеческие черты псевдоавтора быстро терялись – получалась сакральная кукла, но никак не *Автор*, – то есть *Аватар*. И только когда выяснилось, что у Иисуса Христа был Дублёр, и что он и занял место Учителя в компании осиротевших учеников, причём сделал это *по поручению Его Самого*, только тогда пугающее сердца профанов слово *Параклет* они кое-как адаптировали в своей среде. То, что это синоним Духа Святого, знали, но – ... Человеческая память избирательна: хорошо помнит врагов и негодяев и плохо – друзей и праведников. Аполлония-Аполлоса прохлопали ушами, а когда спохватились к концу II – началу III вв., то выяснилось, что это звание присвоил (или ему приделали ученики) ересиолог Монтан, к которому переметнулся один из самых свирепых «отцов церкви» – Тертуллиан. Не смог он долго ходить в нацепленном на себя умовредительном и неподъёмном ярме «верую, ибо абсурдно»¹.

Две величайших трагедии зачатков христологии: 1. Допущение, что воплощённый Планетарный Логос *мог умереть* (хотя Он милосердно и снисходительно показал на горе Фавор, что это невозможно); 2. Пользование отравленной “пищей духовной”, которую оставил в изобилии Павел.

Сотни талантливейших мыслителей и религиозных деятелей первых столетий новой эры оказались выброшены с большака новой религии и объявлены «врагами» и «вредителями», обманутые этими двумя пунктами. Достаточно вспомнить Валентина Василида, Маркиона, Карпократа и святого мальчика Епифана.² Редкие одиночки прорывались к Истине – и то не без потерь. Труды этих гигантов духа были уничтожены церковниками, и известны лишь по цитатам и критической литературе. Будем надеяться, что в

¹ Подробнее: Афонасин Е. В. «В начале было...». СПб., 2002; стр. 94.

² Подробнее: Афонасин Е. В. «В начале было...». СПб., 2002.

Надземном этот великолепный человеческий материал не пропал, и они перевоплотились в более благоприятные времена.

Итак: Христос *предвидел*, а потом и видел молодого вдохновенного искателя мудрости в кучке явившихся к Нему греков. Это Аполлоний не сразу оценил масштаб Галилейского пророка – но когда он вернулся в Иерусалим, Иисуса на поверхности земли уже не было. Но распоряжение Учителя осталось:

(14, 16-17) «И я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет».

(14, 26) «Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам».

(15, 26) «Когда же придёт Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне».

(16, 12-15) «Ещё многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придёт Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину; ибо не

от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмёт и возвестит вам. Всё, что имеет Отец есть Моё; потому Я сказал, что от Моего возьмёт и возвестит вам».

От трансцендентного «Дух Святый» Иисус спускается к образу земного Его носителя – «Духа истины», который «говорить будет, что услышит» и «от Моего возьмёт и возвестит вам». Здесь уже земная фигура говорящего проступает со всей отчётливостью.

Святое чрепие (х. м.) 1979 г.

Худ. О. Кандауров

Что же это за такие слова необыкновенные?

Вот они, главное сокровище Земли (1, 1-14)

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

– Сказано безапелляционно и полномочно. Это сведения от Того, Кто присутствовал в Начале и свидетельствует, что там было. Или – во всяком случае – Тот, Кому эти сведения переданы из *первых рук*. Слово – Логос – Сын Божий; Он рождается от Верховного Первобожества и Его Мысли – Мудрости – Софии – Матери Мира (космоса) – *Духа Святого*, которую (как Женское Начало) Он выделяет из Себя (становясь сразу Мужским Началом – но не полом! – а целым, плеромой); соединяясь в любви (гност. «образуя сизигию») Они – в этом же Начале – *рождают* Сына-Слово, Который делает Первобога Отцом, а Мысль – Матерью («Моя Мать – Дух Святой»). Так образуется Троица – триипостасное единство, необходимое для производства Творения, а Творение производится энергией любви, полнота которой (тяготение между Мужским и Женским, и любовь родительская) присутствует в Троичном Божестве («было у Бога» и «было Бог»). Все “процедуры” происходят при отсутствии времени, которое ещё не рождено. Оно появится только с творением мира. Поэтому, Сын – *после* Отца, но не *позже* и даже не «одновременно».

Оно было в начале у Бога.

Бог и бытие – вещи нераздельные; Бог не может не быть – это единственное чего Он не может. Но «начало» означает переход Его от состояния пралаи («свёрнутости в Себе», сингулярности), в творческое состояние («пробуждение»). Праляя Божества исследованию человеком не подлежит. Переход от «монолитности» в триипостасность связан с актом Творения; и *Мысль* и *Слово* нужны и необходимы для этого. *За пределами пралаи* Бог не может не творить.

Всё чрез Него начало быть и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

Есть две формы *присутствия*: бытие (нахождение в активной зоне) и существование (нахождение в пассивной зоне); это двуединая структура: если нет *бытия*, нет и *существования*. Но всё, что есть, сотворено Богом (кроме “творчества второго порядка,

осуществляемого существами разумными”, которое не всегда совершенно). Нельзя *быть* вне Бога – это исключено.

В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков.

Понятие «жизнь» присуще только сотворённому миру (греч. *космос*); «жизнь» – творческий продукт бытия; мир сотворён, и вершина Творения – человек (общее: *существо разумное*), *homo sapiens*. Человек – вроде свечи; пламя, зажигаемое на ней – разумность – это и есть *свет*; вне разумности – «жизни» нет, есть только существование. Если есть *жизнь* – есть *смерть*; у существования есть только «прекращение существования». Смерть – это лимитированность процесса во времени (равно максимально – длине свечи). Простейшие менее “смертны”, чем высокоорганизованные, но они не живут, но существуют.

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

Согласно современным исследованиям, светлая материя/энергия занимает лишь 5% от общего количества, – остальное составлено тёмной материей/энергией; и та и другая генерируются чёрными и белыми дырами Вселенной. Гравитация чёрных дыр так велика, что свет, падая туда, не возвращается назад. И всё-таки он не исчезает, несмотря на свою редкость и “малочисленность”. Таково одно из «творческих чудес» Бога.

Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн.

Это – автопортрет Аполлония. Почему-то все относят эту фразу к Иоанну Крестителю, занимающему очень скромное место в Новозаветной мистерии. Более того: у него была «своя игра», отдельная от деятельности Иисуса. Он даже посылал спрашивать у Него: «ты ли тот, или нам ждать *другого?*» А вот Аполлос-Иоанн (типа «Иоанн-Марк») был послан от Бога, послан вдогонку; *человек*, а не богочеловек, как Сам Иисус.

Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.

Иоанн Креститель не *свидетельствовал* об Иисусе в отличие от коллективного Иоанна: Марии Магдалины («любимого ученика» и Спутницы), Аполлония (Дублёра) и самого мальчика-апостола. Этот «Иоанн» долгие годы занимался только свидетельством о Свете с любовью и преданностью, тем более что «другой» оказался провокатором. Деятельностью Спутницы, Пресвитера-

Дублёра и Сына грозы (пока был жив) *все* действительно «уверовали в Него».

Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

Грязные инсинуации, которые вылили «отцы це» на *языческого святого* – который, неведомо им, стал самым многолетним, самым просвещённым и самым преданным учеником и адептом Христа – откликнулись им (и тут Иисус предупредил снисходительно «ибо не ведают, что творят») темнотой и невежеством. ...

Был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

Таково *свидетельство* и *духовное ружье* того, о котором Иисус неоднократно говорил: «блажен, кто не видел, но уверует». Это было сказано не столько вообще, сколько адресно об Аполлонии. Об истинности Иисуса, как Света, знал – а не “предполагал” и “догадывался” – только Тианец, он же «житель Александрии», ученик Филона, аватар Логоса – Христа.

В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал.

Умные в сумме образуют *соборность*, дураки в сумме образуют *толпу*; Христос оказался слишком сложен и труден для охлоมนา, человека толпы. *Соборность*, выродившаяся в «Соборы», состоявшие не столько из умных, сколько из важных, пыталась решить проблему коллективно, за счёт количества, сползая в сторону *человеческого* – тогда Христос получался смертным «как все», то в сторону *божественного*, тогда все вздыхали с облегчением: «Он нам не чета», а мы, слабые, имеем право на ошибку. Конечно, «случай Иисуса» уникален и сложен для уразумения; Его поняли только те, кто Его полюбил; они и были безутешны после Его ухода; им Он и оставил Утешителя-Параклета. Это Он принёс в мир бытие («Царство Божие внутри вас есть»); до этого доминировало животное *существование*. Человек должен выйти из звероподобия, как самый хитрый и коварный из хищников, и, сделав первый шаг в сторону ангеличности, стать остальному животному миру старшим братом. Для познания надо полюбить («познание и любовь – одно...»), а любить неизмеримо лучшего долго невозможно; вопросительное «ль» быстро обдрипывается и то, что остаётся от

слова, толпа вроде бы может. Да, во всех случаях – кроме этого. Вдумайтесь – как можно убить Того, «чрез Которого мир начал быть?» Бормотуха насчёт «самоумаления» проблему не решает: если **Бого-человек** – значит бессмертный. «Смертный бог» – это *языческое*; это Аттис, Адонис, Дионис etc. Всё это – подчинённые сущности в *хозяйстве* Планетарного Логоса. Еврейское *Мессия* и греческое *Христос* – убогая посильная маркировка этого Великого Существа.

Спасибо Аполлонию, теперь мы знаем, *Кто есть Иисус из Назарета*. Самое великое слово о Нём сказал самый великий из Его учеников.

Пришёл к своим, и свои Его не приняли.

«Свои» – это еврейство, в среде которого Он явился. «Стажировавшийся» в Египте иудейский этнос был, казалось, наиболее готов к принятию существа трансцендентного во плоти. Ниша, с названием *Машиах, Мессия*, была вроде подходящим локусом для Логоса; в среду ессеиста был запущен “пробник” – Учитель Праведности; в Александрии был поселён еврей-философ Филон, работавший понятие «Логос» на основе антично-библейской традиции. Могучая кучка еврейских эзотериков написала объёмистый корпус библейских апокрифов etc. Казалось бы, почва была подготовлена, и место было *узловым*... Но – «свои Его не приняли!» – Воистину, «чужой среди своих».

А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими,

«Чадами», а не «сыновьями», потому что женский пол включён в формулу, прежде всего за счёт «трёх Марий», а также и других любящих и верных. Понятие Логоса – не простое дело: нужна внутренняя душевная ёмкость и огромное духовное чутьё для принятия решения, чтобы не пропустить мгновения. «Верующие» – стартовое состояние по пути к *знанию*, ибо истина требует *познания* – так говорил Сам Логос: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (8, 32).

Которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.

Это ещё один автограф Аполлония – девственника, анахорета, апостола. Речь идёт о «рождении свыше» из ночной беседы Логоса

с Никодимом. Превалирование духовного над плотским – изначальное условие для того, чтобы стать «чадом Божиим», – тогда и «вера в Него» – легка и ненатужна.

И слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца.

Это шестой концептуальный образ к первым пяти. Здесь всё сказано об Иисусе: «И Логос стал плотию», то есть Логос Надземного, воплотившись, стал доступен для боли, *страдания*, а потому и *сострадания* к роду человеческому, – нахлебаться боли, позора, поношения и страдания Иисусу пришлось в полной мере. Невозможность умереть продлевала муки; в этот момент Он, бессмертный, выяснил степень падения всех и вся. Избранные оказались на высоте; “свиньи” оказались «в своём репертуаре». Произошло размежевание – окончательное – как и должно быть в Эпоху Рыб – *эпоху разделения*, эпоху отвеивания мякины от зёрен – поэтому Иисус заявляет о приготовленной Им лопате для провеивания зерна. Кстати, при провеивании используется сила ветра, а «ветер» и «дух» (Святой) на иврите – одно слово; так что в процедуре Христа принимает участие *Дух Святой* (Параклет-Утешитель, Аполлоний). *Слава* (ивр. *Ход*, 8-я сефира К.Д.) – не суетная, земная, «яркая заплата на ветхом рубище певца», и даже не «солнце мёртвых», но *осанна в Вышних*, нисходяще-восходящий луч, соединяющий с Отцом Небесным постоянно, напрямую.

Иисус пришёл с проповедью Царства Божьего – или, как сказано в Евангелии Фомы, просто Царства. *Оно* и приблизилось, стало «около» – «близ есть, при дверях». Энигма разъяснилась: *нет ничего тайного, что не стало бы явным*. Половина апостолов – 6 из 12-ти – было найдено и вовлечено Иисусом в Свою деятельность в первые два дня после Богоявления: Иоанн и Иаков Зеведеевы; Андрей и Симон Ионины; Филипп и Нафанаил вар Фоломей.

А на третий день был брак в Кане Галилейской, о котором мы уже многое знаем. Но есть одна важная деталь, о которой мы ещё не говорили: это то, что вино Его изготовления – лучшее по качеству – подали в конце, когда уже все перепились и не могли оценить вкус и аромат “водо-вина Иисусова”. Распорядитель пира сде-

лал укор жениху, что, мол, так не делается – это не в логике человеческого бытия. Чудо с пресуществлением воды в вино – начало знамений Христовых, но в данном случае смысл тот, что проповедь идей Логоса осуществлялась на первых порах (до возникновения письменного канона) апостолами первого (12) и второго (70) призыва неискусно, грубо, «топорно» (*секирно*¹). Но вот произошло пресуществление греческого философа в адепта Христа, и отравленные сивухой Савла прозелиты получили Евангелие от «Иоанна», послания (4), Откровение и устную проповедь высочайшего качества. «Женихом» оказался действительно *Иоанн*, а «невестой» – таки Магдалина; *вином же* – тексты, созданные *сыном Протея*, квазигреком, якобыевреем, псевдоиндусом, околоперсом и вроде-месопотамцем Аполлоном Тианским. Без шести фраз Зачина (1-5, 14) *христианства верных* не существует. Поэтому на алтарях всех тайных обществ Нового времени лежит Евангелие от Иоанна, раскрытое на первой странице. А потаённая страна рыцарей Христа называется «Царством Пресвитера Иоанна». На пиршеских брачных столах там – только вино Христа – вечномолодое, с несравненным вкусом, цветом и запахом, – *жидкий жемчуг Учения Планетарного Логоса*. А посредине – Чашей Причастия – Святой Грааль.

Кстати, в Кане с матерью Марией были и младшие братья Иисуса (4); шестеро учеников, четверо братьев и Иисус с Марией образовали, зайдя на обратном пути в Капернаум, двенадцатеричную Зодиакальную полноту; Он – Рыбы, Она – Дева.

Следующая сцена в «сакральной истории Христа» – *изгнание торгующих из храма*. Загадочным в этом эпизоде является заявление Иисуса о восстановлении храма. На суде иудеи доносили: «Мы слышали, как Он говорил: “Я разрушу храм сей рукотворённый, и через три дня воздвигну другой нерукотворённый”» (Мк 14, 58). На самом деле в качестве знамения о Его полномочиях *изгонять* Иисус «сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его».

¹ Лк 3, 9; Мф 3, 10.

Догадка о «храме тела» – экзотерика дела. Глубинный смысл иной: храмом Он называл Завет, «Договор с Богом». От ветхозаветного Закона, через новозаветную Благодать Он простирает «Небесный проект» до Чистоты и Духовности Третьего Завета в Царстве Параклета – Духа Святого. Он был завершением постройки, реализацией замысла Бога о человеке. От «местночтимого» иудейского Йеговы надо было, разрушив старый храм, подняться к универсализму Отца Небесного и перейти к Его *главным исполнителям* – Матери и Сыну. Евреи сделать этого очистительного шага не смогли, – храм за них разрушили римляне, но они смогли подняться только до второй ступени, получив Папу Римского и Ватикан. Реализация третьей ступени отложена до третьего тысячелетия, которое уже началось. С «днём» Христа соотносим только его «час»; целое перекрывает Его «век» (эон). ...

Эпоха Разделения требует рассуждения, выяснения «кто есть кто», чтобы отделить *зерно от плевел*, агнцев от козлиц, Рыбу Гора от Рыбы Сета. Для этого нужен Высший суд, Горний Судия, «ибо Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну». ...

С 8, 12 проповедь Иисуса продолжается. Темы «хлеба жизни», «живой воды», «света и тьмы» сменяют друг друга в Его речи. Фарисеи одёргивают Его, что Он, мол, свидетельствует Сам о Себе. Иисус начинает варьировать понятия «суд» и «свидетельство», объясняя, что о том, откуда Он, никто, кроме Него, и не может свидетельствовать: там – Отец Его небесный. И чтобы приблизить Отца к людям, призывает: познавайте Меня, ибо Я и Отец – одно. Это очень близко, почти тавтологично к тому, что уже звучало (5, 19-47; 6, 32-67; 7, 16-39).

В 8, 32 звучит концептуальное: «*И познаёте истину и истина сделает вас свободными*». Прежде всего от страха смерти, смертного наказания за грехи и осуждения на «вечные муки» etc.

Путь, в котором наставляет нас Иисус-Учитель: от правды – к истине, от веры – к знанию: «**И познаёте истину и истина сделает вас свободными**» (8, 32). ...

И о чудесах Аполлония Иисус предупреждал заранее: «истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, делá, которые творю Я, и он сотворит, больше сих сотворит; потому что Я к Отцу Моему иду».

«14, 15 Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди.

21 Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам.

23 Иисус сказал...: кто любит Меня, тот соблюдет слово Моё; и отец Мой возлюбит его, и Мы придём к нему и обитель у него сотворим.

16, 27 Ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшёл от Бога».

Сказать такое не под силу никому, кроме Самого Планетарного Логоса; уразуметь и запомнить никому, кроме обожавшей Его Спутнице; отшлифовать и ограничить – только Дублёру и Двойнику, Параклету во плоти. Здесь звучит «Я победил мир».

Далее (глава 17) идёт Молитва Иисуса –

с г у с т о к л ю б в и –

самый великий текст на человеческом языке:

«После сих слов Иисус возвёл очи Свои на небо и сказал: Отче! пришёл час: прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, Так как Ты дал Ему власть над всякою плотью да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную: Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа.¹

Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить; И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде мира.

Я открыл имя Твоё человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твоё; Ныне уразумели они, что всё, что Ты дал Мне, от Тебя есть; Ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли и уразумели истинно, что Я исшёл от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня.

Я о них молю: не о мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои; И всё Моё Твоё, и Твоё Моё; и Я прославился в них.

¹ Два последних слова добавлены Параклетом.

Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду. Отче Святыи! Соблуди их во имя Твоё, которое Ты Мне дал, чтобы они были едино, как Мы.

Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твоё; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание.

Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную.

Я передал им слово Твоё, и мир, возненавидел их, потому что они не от мира, как Я не от мира.

Не молю, чтобы Ты взял из мира, но чтобы сохранил из от зла; Они не от мира, как Я не от мира.

Освяти их истиною Твоею: слово Твоё есть истина.

Как Ты послал Меня в мир, и Я послал их в мир; И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною.

Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня.

И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино.

Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня.

Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира.

Отче Праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и они познали, что Ты послал Меня; И Я открыл им имя Твоё и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них».¹

Впервые всерьёз речь идёт не о вере только, но и о Богопознании, поскольку наконец люди получили подлинное имя Бога («Я открыл...»). Это не частный случай местночтимого иудейского Йахве с “куполом” только вокруг опекаемого маленького этноса – это Божество в масштабах всей Солнечной системы с выходом на Творца Вселенной. Его имя – Авва, Отче; Господь; Святыи. ...

¹ Ред. моя (по 9) – ОК.

Планетарный Логос приблизился к людям, чтобы соответствовать Своей же формуле «возлюби ближнего своего». Он приблизил Надземное к человеку, дабы тот вдохновился преодолевать свою смертность, имея, при любви к Богу, гарантами своего этернального существования Высшие Силы. Он был милосерден и заботлив, Он максимально разъяснил всё невероятное, немислимое, невозможное – «Богу всё возможно». Новый Завет был разыгран и проигран до конца в течение нескольких лет – такова была интенсивность жизни в эти годы, ибо в это время на земле находился с миссией

САМ ПЛАНЕТАРНЫЙ ЛОГОС (!)

После Его ухода у руля Ладьи Разума и Духа становится Параклет, какое-то время с материальным носителем этой великой функции. Неуловимое Царство Пресвитера Иоанна существовало на территории Евразии до позднего Средневековья. В конце концов, после погрома альбигойцев и тамплиеров, оно стало невидимым, дименционально неуловимым, но не исчезло. Ибо Третий Завет это – над культовым разнотравьем этноконфессий – *универсальная религия* всей Земли, заполненная Истиной Планетарного Логоса, Который сделал для людей ведомым не только Себя, но и Отца Своего Небесного – нашего общего Отца. Это – финал становления Человека Разумного.

По: О. Кандауров «Тайный Апостолат Христа» 2016 г.